

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

вторая книга

РАТИБОР И ОДА

СЕРГЕЙ SKOLORUSSOV

16+

Сергей Skolorussov

Ратибор и Ода. Вторая книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42393437

SelfPub; 2019

Аннотация

Кто-то уверен: «Мол, знаю я любовь!» Это не правда, любовь не знает тот, кого сама любовь не знает. Она известна только тем, кто для неё пожертвовать готов жизнь и свою судьбу без оговорок и условий. Иные говорят, что счастья нет в любви. Они всё врут! Любовь им просто не знакома. Кто испытал любовь, тот промолчит. Любовь описать словами невозможно. Ратибор и Ода про свою любовь вам не расскажут сами. Известно множество историй о любви. Эту нам рассказали саги.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	30
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Часть первая

«Когда конунг Ивар вернулся из похода в Нордумбраланд, были устроены различные игры. В них принимали участие все ярлы и херсиры. Ярл Хельги и брат его Хрёрек были самыми известными воинами на таких турнирах. Они всегда побеждали в поединках. Был там и Радбард». Хедебю сага

Глава 1

Мимо хутора Эрне проходила дорога, идущая от Уппсалы на север. Сразу за Эрне она раздваивалась. Одна из дорог вела в Свисту, усадьбу Бальдра, а другая в Форки – загородную резиденцию Ивара. По мощи ограждающих их стен они больше напоминали крепости. Между собой усадьбы разделял небольшой лес, через который текла неглубокая речка. Будучи личным гостем конунга, Хельги с сестрой и братом поселился у Ивара. Впрочем, места здесь хватило бы и для нескольких сотен гостей. Но Ивар не любил, когда на отдыхе перед ним мельтешили чужие люди. Сольвейг тоже хотела жить рядом с подругой, вернее, с Хрёреком. Но дядя настоял, чтобы хотя бы первую неделю она провела в его доме.

После празднования у Золотого храма конунг пригласил своих приближенных к себе на ужин. Поэтому в этот день желаниям дяди не суждено было сбыться. Ода с Сольвейг ехали в двуколке, а Хельги и Хрёрек сопровождали их по обе стороны верхом на лошадях. Вальдир в это время упражнялся в верховой езде на лошади, гоняя её вокруг лесочка, который, как было уже сказано, разделял две усадьбы первых лиц государства.

Узнав в проскакавшем навстречу всаднике берсерка, Хельги воскликнул:

– Опять эти кожаные штаны! Что-то слишком часто сего-

дня они у нас на пути попадаются!

Перед ужином все разошлись по своим комнатам. Приведя себя в порядок, Адель пришла в спальню подружки. Но её там не оказалось. Девушка отправилась искать Сольвейг в сад, где стояла небольшая, закрытая густым тёрном терраса. Но и здесь её не было.

– Ищешь подружку? – улыбающийся Хельги уже был тут как тут.

– Твоё какое дело? – Ода уже не скрывала от навязчивого ухажёра своего раздражения.

– У, как мы не учтивы. Как мы грубы. А пора бы уже искать не подругу, а друга. Не так ли?

– Тебя, что ли?

– Чем я плох? Подруга – это же не навсегда, а только лишь до свадьбы. А друга можно выбрать на всю жизнь.

– С Сольвейг у меня дружба навсегда. А с тобой её не будет. Даже не надейся.

– Сольвейг? Боюсь, что она уже упорхнула от тебя.

– Откуда такие страхи?

– Наступает пора, когда девушки предпочитают всем своим подругам одного мужчину.

Ода промолчала, понимая его намёки.

– Да, да! С Сольвейг это уже случилось. Я видел, как в сторону пруда выпорхнули два голубка. Наверное, они где-нибудь уже воркуют.

На Оду впервые в жизни обрушился приступ ревности,

и она захотела побежать и проверить слова Хельги. Но ярл поймал её за руку и прижал к себе:

– Как ты благоухаешь юностью, – он потянул своё лицо к её лицу.

Ода попыталась вырваться, но ярл сдавил её в своих объятиях ещё крепче. Она уперлась руками в его грудь, отклонив от него голову, как можно дальше:

– Отпусти сейчас же, – жёстко и серьёзно проговорила девушка каждое своё слово.

– А если не отпущу? Что ты сделаешь? – он резко схватил её за запястья, потянув руки вниз. При этом прильнул к ней как можно ближе и попытался поцеловать. Вытянув шею, Ода отклонилась от его лица как можно дальше. Тогда ярл, схватив её за затылок, притянул голову девушки к своему лицу.

Ей было мерзко и противно. Он был явно сильнее. И Оде не оставалось другого выхода, как укусить его за губу.

Хельги тут же разжал хватку и отпустил её, зажав окровавленную губу рукой:

– Ах ты дрянь! Впрочем, – он лизнул кровь языком, – ты даже этой своей строптивостью меня заводишь. Но у меня ещё не было лошадки, которую бы я не смог объездить.

Он сделал шаг, чтобы повторить попытку, но в этот момент у входа в террасу появился Ивар:

– А, это вы здесь. Я вижу, что у вас намечается взаимопонимание, – конунг улыбнулся.

Воспользовавшись приходом отца, Ода юркнула мимо мужчин и побежала в сторону пруда.

Хельги не пошёл за ней. Он давно хотел поговорить с конунгом наедине:

– Ивар, мы давно друг друга знаем. Мой меч не единожды звенел рядом с твоим.

Ивар покачал головой в знак согласия. Он понимал к чему этот разговор. Ярл продолжил:

– Я всегда выполнял все твои поручения, хоть в битве, хоть..., – он запнулся на мгновение, пытаясь подобрать слова, – хоть при других обстоятельствах.

Ивару очень не понравились его намёки. Но, ни один мускул на мужественном лице конунга не выдал этого недовольства.

– Ты потерял последнего сына. Я хочу стать тебе вместо него. Поэтому прошу руки твоей дочери.

Ивар помолчал, глядя в лицо Хельги, словно испытывая его на твёрдость намерений, и спросил:

– Она согласна?

– Да! То есть, пока нет. Но это не главное? Ведь так? Как скажет конунг, так и будет. Всё в твоих руках.

Ивар усмехнулся:

– Я для неё не конунг. Я для неё отец. И она моя единственная дочь. Единственная. Ты понимаешь это?

– Тебе не нравится такой зять, как я?

– Почему? Нравится. Но я хочу, чтобы мой зять нравился

и ей.

– Выдай её за меня, и будет счастлива она.

Ивар качнул головой:

– Знаешь, Хельги! Я благословлю этот брак только после того, как ты получишь согласие Адель.

Ярл попытался сказать ещё что-то, но конунг приложил свою руку к его губам и добавил:

– По древним обычаям нашего народа дочь конунга может отказать трём первым претендентам. И только после этого воля отца станет основой для выбора её будущего мужа.

– Но...

Ивар вновь приложил пальцы к его губам:

– Я не собираюсь нарушать завещанную моими предками традицию. Я всё сказал.

И он ушёл, оставив явно разочарованного ярла на террасе.

Ода не успела добежать до пруда, когда навстречу ей вышли Сольвейг и Хрёрек. Они о чем-то, улыбаясь, щебетали.

Увидев подругу, Сольвейг весело подбежала к ней, позабыв все распри, и взяла её за руку:

– Адель, я так счастлива!

– Ещё бы!

Сольвейг взглянула на суровое лицо Оды:

– Что случилось? Я никогда не видела тебя такой сердитой. С такой гримасой ты так похожа на своего отца!

Сольвейг залилась искренним, счастливым звонким смехом, оглянувшись на Хрёрека.

Ода мрачно убрала руку подружки от своей руки и жёстко сказала:

– Я дочь конунга, а ты моя служанка. Почему я должна бегать за тобой по всему саду?

Налёт счастья мгновенно слетел с лица Сольвейг, она грустно посмотрела в глаза Оды:

– Ты это серьёзно говоришь?

– Более чем. Ты будешь наказана. Марш в свою комнату!

Слёзы брызнули из глаз влюблённой девушки ручьём и она, рыдая, убежала в дом.

Ода резко сменила тональность голоса с грубой на нежную:

– Хрёрек...

– Извини, Ода. Мне надо проверить амуницию. Ведь я завтра выступаю.

И он удалился.

На ужин Сольвейг не вышла, запёршись в своей комнате. Ода не извинилась перед ней. Да и не собиралась этого делать. Устраивать дальнейшие разборки у неё тоже не было настроения. С грустной гримасой на лице дочь конунга вошла в зал с деревянными колоннами, посреди которого громоздился огромный стол, но увидев, что её уже поджидает Хельги, развернулась и тотчас ушла спать.

Глава 2

За околицей Уппсалы было большое поле с видом на погребальные курганы старых конунгов. С двух сторон оно ограничивалось пологим взгорком. Он служил естественной трибуной для простолюдинов. Специально для знати с другого края поля выстроили деревянные помосты с лавками. Посередине этой трибуны возвышалась впечатляющих размеров надстройка, на которой стоял шатёр. В нём разместились конунг, Бальдр, Хёрд и приближённые ярлы. Здесь же были и члены их семей. Ода сидела рядом с Торой по правую руку от отца и была рада, что сегодня к ней не будет приставать Хельги, так как он тоже участвовал в соревновании. Девушка с нетерпением ждала появления на поле Хрёрека, предвкушая его победы, естественно, посвященные только ей. Сольвейг тоже пришла, но заняла место с противоположного края шатра.

Огромные толпы народа, заполонившие свой взгорок, сдерживала только крепкая ограда из толстых жердей и стража с копьями. Все ждали начала зрелища.

Вальдир не ожидал, что утром будут только состязания в мастерстве по метанию в цель топоров и саксов и в стрельбе из лука.

– Барри, а почему мы здесь не участвуем? Я был лучшим среди берсерков в метании ножа.

Разодетый в шитый серебром камзол монах только поморщился:

– Друг мой, не забывай, что ты уже херсир. А в этих соревнованиях участвуют только простые воины. Не престало высокородному херсиру опускаться до состязаний обычных бондов. Но главное, там за победу дают каких-то 50 монет. Этих ваших брактеатов.

– У-у-у. Нам сейчас и такие деньги были б в самый раз.

– Да, разлетелись все наши накопленья. Как говорится, я их по ветру пустил.

– Может, продадим твою красивую одежду? А то опять, кто-нибудь начнёт над тобой из-за неё смеяться, и ты устроишь очередную драку, в которой явно не мастак.

– Думаешь, если я надену рясу и вывешу на грудь вот такущий крест, – он развёл руки в сторону, показывая размер креста, – ко мне никто не будет приставать? Другой одежды у меня нет. Ты для меня её не заработал. А в лохмотьях мне ходить нельзя. Встречают по одежке. А я намерен своим видом заработать много в ближайшие два дня. Даже, очень много. Но народ не понесёт свои потные потёртые монеты тому, кто сам гол, как сокол. А мне уже всю несут. Вот, видел?

И он потряс кошелём, полным монет.

Соревнования простых воинов и бондов продолжались до самого обеда. В прямом смысле этого слова. Слуги притащили столы и то, что боги послали в этот день знати, чтобы удо-

влетворить их голод. Народ закусил стоя, съев прихваченные из дома луковицы, хлеб, вяленое мясо, сыр.

Наконец настало время, когда на середину поля вышел распорядитель. Трубач продул медный рог. А четыре глашатая, стоящие чуть на удалении, прокричали каждый в свою сторону названные распорядителем правила. В них говорилось, что соревнования херсиров и ярлов состоят из двух этапов. На первом этапе в поединках на мечах отбираются шестнадцать лучших. Правила этого этапа просты: побеждает тот, кто сумеет либо разбить щит противника, либо выбьет у него меч или заставит его упасть хотя бы на одно колено. Победителем также может быть объявлен тот, кто выиграет по очкам, нанеся больше ударов по латам и броне соперника. На втором этапе победитель определялся в трёх последовательных схождении всадников с копьями. Побеждает тот, кто, либо сразу выбьет соперника из седла, либо заставит его окончить бой досрочно. Как и в случае поединков на мечах, можно было победить и по количеству точных попаданий в кирасу противника. При равенстве очков назначался дополнительный этап. И так до выявления единоличного победителя. Основным призом являлись дорогие меч, латы и шлем, специально изготовленные по заказу конунга лучшими кузнецами Уппланда. В придачу победителя ждал кошель, в котором звенело триста серебряных брактеатов. Но самым главным призом являлся поцелуй дочери конунга. Распорядитель также зачитал клятву, которую все участники

турнира должны были подтверждать перед началом каждого из своих поединков. Давший клятву брал на себя обязательство не наносить ударов ниже пояса, по рукам, шее и голове. Он клялся, что не испытывает к сопернику чувства мести и не имеет никаких обид. А также не будет иметь никаких претензий в будущем, если судьи его признают побеждённым.

Желающих участвовать в турнире набралось больше сотни. Поэтому сначала на поле выходили сразу по четыре пары участников, затем по три, по две, и, наконец по одной. После каждого раунда бросали новый жребий, распределявший противников. Чтобы попасть в число шестнадцати, надо было победить в трёх поединках. А чтобы стать единственным победителем первого этапа соревнования – в шести. Призом для победителя турнира на мечях являлся женский кинжал, инкрустированный драгоценными камнями и сто пятьдесят брактеатов в придачу.

– Маловато что-то, – прокомментировал названные суммы разочарованный Барри. – Мне называли другие цифры. Везде обман.

Вальдир бросил взгляд на алчного британца и только потряс головой, очередной раз удивляясь его сосредоточенности на добывании денег любым путём.

В число шестнадцати херсир попал легко. В трёх поединках он получил всего две вмятины на своей кирасе.

Увидев следы чужих мечей на латах, Барри возмущённо закричал:

– Эй! Эй! У нас пока нет денег на новую броню. Ты чего так много пропускаешь?

Словно, восприняв слова монаха за установку на следующий бой, Вальдир его выиграл вчистую, выбив меч у соперника уже вторым ударом.

Осталось четыре участника, среди которых были Хрёрек и Хельги, так же легко добравшиеся до полуфинальной стадии.

Брошенный жребий свёл в поединках Вальдира с Хрёреком и Хельги с ярлом Йотланда Ингефастом. Первыми вышли на ристалище Хельги с Ингефастом.

Ода съехидничала, повернувшись к Торе:

– Сейчас этот здоровяк выбьет пыль из залежалого зазнайства твоего брата.

Тора удивилась:

– Ты так не любишь моего брата?

– Почему не люблю? Люблю. Только не этого, а второго. Хрёрека. А в этом так много самодовольствия и злобы. Он ими так и пышет. Странно, что кроме меня этого никто не видит.

Тора только многозначительно покивала головой в ответ.

Ингефаст и на самом деле был огромным детиной, ростом на голову выше, чем ярл Селунда. К тому же, он был опытным и искушенным в боях воином. Но Хельги оказался хитрее и ловчее своего соперника. Естественно, что Хельги даже не пытался победить соперника досрочно, к примеру, вы-

бив меч из его мощной лапы. Но по количеству нанесённых ударов он победил с двойным преимуществом.

Ода прошептала себе под нос:

– Наверное, ему злые Турсы¹ помогают.

Впрочем, её больше всего интересовал последний поединок на мечах, в котором выступал её названный предсказанием жених. Адель неистово болела за Хрёрека, крича:

– Давай! Так его! Нападай, нападай! Ай! Обороняйся! Да не так! Не так! А вот так! Ты просто, молодец!

Сидевшая рядом Тора, болела не менее активно. Она даже кричала примерно тоже самое. Но до Оды только через некоторое время дошло, что их эмоциональные выкрики не ложатся в унисон. Вернее, они вообще не совпадали. Когда Ода радовалась, Тора страшно огорчалась. И наоборот.

– Тора, я не поняла? Ты за кого болеешь? Ты против брата болеешь?

– С чего ты взяла? Я не болею против брата. Я болею за Вальдира. Как он сегодня дрался! Ты видела?

– Нет. А что? Должна?

– Как? Ты не видела, как он одерживал свои победы? Да он здесь лучше всех! Как он мне нравится!

– Угу. Сейчас Хрёрек порвёт его толстые кожаные штаны на лоскуты!

Но в этот самый момент, каким-то непонятным трюком,

¹ В скандинавской мифологии великаны, большинство которых враждебно настроены к асам и людям

херсир выбил меч из рук соперника.

– Вот ведь! – только и вырвалось из уст Адель.

Тора хлопала в ладоши и смеялась от радости:

– Он натянул свои штаны на голову моего брата, – съязвила она.

Ода привсталла, наклонилась вперёд и посмотрела в сторону Сольвейг. Та стояла, прижав ладони к лицу. Вся её поза и мимика говорили о страшном огорчении. Дочь конунга недовольно повела головой и прошептала себе под нос: «Отослать бы тебя куда-нибудь в самую глушь, чтобы под ногами не вертелась».

В это время к трибуне, где сидела Адель, со стороны поля подошёл подготовившийся к финальному бою Хельги и громко крикнул:

– Ода, кинжал будет твой!

Но девушка развернулась к нему спиной и пошла на выход.

Отец спросил:

– Ты куда? Тебе не интересно?

– Я домой. У меня голова болит.

И она удалилась.

Соперники подтвердили клятву чести и сошлись. Бились долго и упорно, можно сказать – самозабвенно. Хельги был достойным противником. Его сила, опыт и особые приёмы, секрет которых он никому не открывал, поначалу дали ему достаточно большое преимущество. Он вёл в счёте 9:6 и

все уже решили, что они знают имя победителя. Но херсиру очень уж самому хотелось подарить призовой кинжал Оде, чтобы таким образом найти причину для знакомства. И он не сдавался до последнего. Яростной атакой он заставил Хельги открыться и нанёс сразу три удара, изрядно помяв его нагрудный панцирь. Далее они долго и осторожно обменивались безрезультатными выпадами, пока херсир не исхитрился и вновь неожиданно поставил ярла в неудобную позицию, позволившую пропустить два разящих удара подряд. Вроде ни у кого не было сомнений, что победил Вальдир. Но Хельги стал активно протестовать, доказывая, что при счете 8:6 он нанёс два удара по панцирю, а не один, который засчитали судьи. Он был взбешён. И это ещё слабо сказано!

– Вот смотрите, – напал на судей ярл, указывая на свой панцирь, который он держал уже в руках, – у меня на броне одиннадцать ударов. Всё правильно, я их пропустил. Но пять из них были мне нанесены уже после того, как счёт стал 10:6. Вы должны были остановить единоборство, чтобы назвать победителем меня. Я потому и пропустил подряд пять ударов, так как считал бой законченным уже.

– Нет, Хельги, – спокойным и ровным голосом возражал ему главный судья, – нас три арбитра и все мы единодушны в своём решении по каждому засчитанному удару. У нас нет расхождений. А это значит, что итог вашего боя справедлив.

– Тогда давайте посчитаем мои удары на латах берсерка.

– Я не берсерк, – без каких-либо эмоций в голосе возразил

Вальдир.

Хельги ухмыльнулся:

– Давайте тогда посчитаем количество вмятин на латах «неберсерка».

Хельги после каждого поединка менял броню на новую. А латы Вальдира к концу этого дня больше напоминали рябь на озере в ветреный день. А щит в следующем противостоянии явно был готов развалиться сам.

– Ты и завтра в этих смешных штанах и ржавых латах будешь выступать? – продолжался надсмехаться над херсиром Хельги. – Твоя кляча ещё от старости не сдохла? Я видел, когда ты нам попался навстречу возле Эрны, как из неё сыпался песок.

Судьи были опытными и прекрасно понимали, чем закончится такая тональность перепалки бойцов. Один из них тут же вежливо оттеснил Вальдира.

И всё-таки, после небольшого совещания судьи провозгласили победителем поединков на мечах херсира.

Ликованию трибун, заполненных простым народом, не было предела. Даже в самой Уппсале люди высыпали на улицу, чтобы узнать, что случилось. Большинство зрителей болело за этого смелого парня, одетого в потрепанные латы поверх шкуры росомахи и кожаные штаны, толщина которых придавала херсиру схожесть с медведем. Болельщики между собой его так и прозвали: Росомаха Кожаные Штаны.

Вальдиру торжественно вручили подарок и деньги. Он

сразу побежал к трибуне конунга, чтобы подарить его дочери кинжал. Тора, возбуждённая и счастливая, подумала, что он бежит к ней и встала, протянув ему навстречу свои красивые руки. Но херсир, казалось, её и не заметил. Он остановился, осмотрел трибуну, немного погрузился и ушёл с подарком в противоположном направлении.

К нему тут же подбежал монах:

– Сир, поздравляю! Отличный итог, отличный день, отличная работа! Может, отметим это дело в питейном заведении? Нас уже ждут болевшие за тебя купцы.

– Нет, Барри. Я домой. Завтра уже конные соревнования. Вот тебе сто пятьдесят брактеатов. Сможешь на них купить два комплекта брони?

– Спрашиваешь? После твоих побед, у нас теперь во всём Уппланде самая большая скидка и отсрочка на оплату.

Глава 3

Вернувшийся в усадьбу конунга Хельги продолжал бегиться и отыгрываться на всех, кто попадался на его пути. Свою лошадь он хлестал до кровавого пота. Принимавшему поводок слуге специально вскользь съездил локтём по носу так, что кровь у того полилась рекой. Попадавшаяся на его пути от конюшни к дому челядь, опасливо отбегала в разные стороны от тропы. Он продолжал рвать и метать и в своей комнате, разбрасывая вещи и круша мебель:

– Альвар! Альвар! Куда тебя черные гномы загнали?

Личный слуга, хорошо знавший приступы буйства хозяина, робко высунул голову из приоткрытой двери:

– Слушаю тебя, мой господин.

– Позови Тору и Хрёрека. Прямо сейчас, немедленно. Где Бели? Бели, налей мне вина!

Он плюхнулся на кровать прямо в сапогах и распластался на ней, разбросав свои конечности в разные стороны. Но, не пролежав в такой позе и минуты, нервно вскочил и стал ходить из угла в угол, громко при этом говоря:

– Твари! Стану конунгом, сгною всех. Всех! Всех! Вы у меня в бочках поплывёте. И не в пустых, а в заполненных дерьмом. И не где-нибудь здесь по озеру. А по большому морю! Туда, где в пропасть сливаются все воды, текущие вдоль берегов Норвегии на север. Они, видите ли, единокорны и

своём решении! Вот вместе и поплывёте в одной бочке. А это пугало в штанах! Его я уничтожу. Ещё не знаю, как, но очень изощрённо!

На этих его словах в комнату вошли Тора и Хрёрек.

Хельги сразу обратился к ним:

– Хрёрек, Тора! Вы знаете, как я вас люблю! Мы одна семья и должны друг другу помогать. Я всегда был вам за отца и мать. У нас было трудное детство. Но мы выдержали и отстаивали наше право владеть Селундом. Теперь в будущее мы должны смотреть. Я не буду скрывать, – при этих словах он стал говорить значительно тише, – я стать конунгом хочу. Но для чего я этого хочу? Для себя? Нет! Для удовлетворения своего самолюбия? Нет! Для того, чтобы купаться в золоте? Опять нет! Быть богатым – это не главное. Всё что я хочу – это чтобы этим государством правили ваши дети. Чтобы вы сами стали конунга семьёй. И не побоюсь высокопарности – я это хочу сделать ради моего народа! Жители Селунда стонут под ярмом сеев много лет. Теперь они должны стать главным народом в этом государстве. И я этого добьюсь!

Тора во время его высокопарной речи прилегла на кровать и явно витала где-то в облаках, не слушая брата.

– Тора, – Хельги увидел, что она его не слушает, – ты всё о мужиках мечтаешь?! Ну, почему? Почему все семейные дела я должен на себе тащить один? А вы дружно сели мне на шею и ножки свесили.

– Братец, я давно знаю, всё, что ты скажешь и всё, что ты

хочешь. К чему это многословие?

– У-у-у! – взъярился ярл. – Вот так всегда!

– Только не психуй. Всё, что ты скажешь – я непременно сделаю.

– И я! – Хрёрек хлопнул брата по плечу и сел рядом с возлежащей на кровати Торой.

– Хорошо. Мне нужен ваш совет и помощь. Я в тупике. Эта маленькая рысь, я говорю о дочери Ивара, невзлюбила меня, несмотря на все мои старания, доброту и ласку.

– Ты же хотел у конунга просить её руки? В чём тут проблема? Воля отца священна, а её отец, как ты говорил раньше, многим тебе обязан и не сможет отказать.

– Нет, Тора. Этот старый облезлый вепрь уже практически мне отказал. Я столько для него сделал! Не раз в бою его спасал. И вот вам благодарность! – Хельги пафосно потряс руками, обращаясь к небесам.

– И что теперь ты хочешь предпринять? – нахмурил брови Хрёрек.

– Он, Ивар, отдал решение этого вопроса на откуп дочери. Мол, как она решит, так и будет.

– О! Как здорово, – Тора даже привстала со своего ложа. – О таком мечтают все девушки на свете. Теперь я понимаю твоё отчаяние.

– Да! Молодец, что понимаешь. Но что мне делать, чтобы заставить её сказать мне «да»?

– Трудная задача, – Тора встала на ноги и обошла вокруг

Хельги, попутно проводя кончиками своих длинных пальцев по его плечам, – влюбить в себя ту, которая запала на другого.

– На другого? – для Хельги это была новость. – На кого?

– Ты удивишься очень. Но этот «другой» сидит на твоей кровати.

Хрёрек вскочил и приложил руку к груди:

– Я? На меня?

– Как в старой доброй саге. Любовный треугольник. Братья, да вы теперь соперники в любви! – она рассмеялась.

– Не может быть? – Хельги уставился на брата. – Я на груди змею взлелеял? Хрёрек, как ты мог мне в спину нож вонзить? И притворяясь агнецом, его в этой ране повернуть?

– Тора! Что ты несёшь? Я ни сном, ни духом! Я даже её взглядом не касался!

– Зато она глаза все проглядела! Так и пялилась на тебя весь день. Так переживала, так переживала! Кричала: «Давай, мой Хрёрек, побеждай!» Не спутаю я причину её румянца, бледности и мокроты ресниц ни с чем другим. Она по уши в тебя влюбилась. Вцепилась сердцем так, что семь нянек не оттащат.

– Вот в чём причина! А я всё думаю, почему я так для неё не мил? Теперь на свои места всё встало. Я так переживал, что в чём-то провалился и сделал что-нибудь не так, раз ко мне у неё такое отвращение. А отвращения вовсе нет. Есть любовь к другому. Есть в этой плохой новости щепотка доб-

рой вести. Ещё не всё потеряно.

Хельги, закусив палец, стал ходить взад и вперёд.

– Да! Сделаем так. Все наши старания не прошли напрасно. Просто они попали не в ту цель. Девушка каким-то образом нас перепутала. Но она влюбилась! И это говорит о том, что на неё вполне можно повлиять. Надо самим вершить события, чтобы переключить её внимание с брата на меня. Для этого я должен стать героем, а Хрёрек – подлым негодяем. В её глазах, конечно.

– Кто, я? – Хрёреку явно не понравился такой образ.

– Ты! Ты! Ты должен сделать всё, чтобы она увидела, что любишь ты другую. Целуешься, к примеру, с ней, уединяешься и прочие ля-ля. Ты должен нагрубить ей, сказать что-то о её невзрачной внешности и об уродливой фигуре. Слова такие быстро огонь любви в любой груди потушат.

– Я так не умею!

– Ну, так учись, пока твой брат живой. Я могу дать тебе парочку уроков, что говорить и как, чтобы сделать ей при этом очень больно.

После этих слов Хельги резко развернулся:

– Ты, Тора..., – Хельги задумчиво указал на сестру пальцем, прикусив затем его кончик зубами, – исполнишь для меня важное задание.

Девушка ухмыльнулась улыбкой опытной интриганки:

– Я вся внимание.

– Надо отравить лошадь!

Тора даже всхрикнула от неожиданности:

– Хо-хо! Лошадь?

– Да, лошадь.

– Ничего себе, задачки!

– Мне завтра надо непременно победить. Чтобы стать в глазах девчонки таким героем, рвущимся напролом к всепобеждающей любви. Женский пол по малолетству на это просто западает. И если я красиво так, на глазах у всех преподнесу ей приз и скажу при этом, что вышел я на поединок ради её взгляда, улыбки ради. Думаю, что вкупе с изменой Хрёрека, её это здорово проймёт. И она, не сможет отказаться выйти замуж. Не будет больше никто стоять меж нами и мешать.

– Но лошадь здесь причём? – не унималась сестра.

– Лошадь здесь притом. Я уже сегодня хотел вручить Оде приз за победу на мечях, но помешал берсерк мне сделать это. Завтра он тоже может спутать планы. У меня нет достойных соперников вообще. Берсерку просто повезло. Но подстраховаться всё же стоит. Без лошади участвовать в турнире он не сможет.

– Ты думаешь, она у него одна?

– Тора, что за глупость? Не узнаю я мудрую и хитрую сестру. Мне удивительно – где он эту клячу взял? Купил? Но на какие деньги? Может, украл? Конечно – лошадь у него одна. Откуда у нищего берсерка деньги на стадо лошадей? Впрочем, проверь. Я знаю, твои чары способны обольстить любо-

го. Подсуетись! Прямо с утра.

– Хорошо, раз ты так хочешь.

– Погоди. Есть лучшая идея. Отрави не лошадь, а его. Это более лёгкая задача, чем пойти в конюшню и лошадь ядом накормить. Бокал вина и всё. Нет проклятого берсерка!

– Его за что? Нет, лучше отравлю лошадку.

– Ну, лошадку, так лошадку. Особой разницы здесь нет. Впрочем, лёгкая смерть бывает и наградой. Но об этом он узнает позже. Когда? Когда очень долго умирать он будет в муках. Сейчас я подожду. Когда я стану конунгом, то сделаю его рабом, отрублю руки, больно они ловки, и поставлю в доме зазывалой. Будет кричать: «Хозяин, всё готово! Идите кушать!» Это будет весело нам всем.

И Хельги рассмеялся, представив сказанное.

Мунин вздохнул:

– Как плохо всё. Я думал эта сага – лирическая мелодрама.

Хугин спросил:

– А это что?

– Мунин взмахнул крылом:

– Ты что не видишь? В ход пошли яды. Значит – это драма. Верней, трагедия. Пока для лошади, но это лишь начало.

Глава 4

Ода после ужина зашла в комнату к Сольвейг и с порога сказала ледяным голосом:

– Раз ты не хочешь отступить от предназначенного мне судьбой жениха, переселяйся к дяде. Я уже не могу тебя здесь видеть. Ты меня просто бесишь!

Бывшая подруга не заплакала. Она уже в достаточной мере пережила эту ситуацию, когда Ода стала для неё совсем чужой.

– Хорошо, Ода, я так и сделаю. Это все указания, госпожа?

Последнее предложение она произнесла язвительно, намекая на обидные слова, сказанные накануне дочерью конунга.

Ода только хмыкнула в ответ, мрачно оценив язвительность девушки:

– Все. Пока что все, моя прислуга, – и демонстративно развернувшись, сделала шаг к выходу из комнаты.

Сольвейг это немного завело, и она не удержалась от развития пикировки:

– Да, госпожа. Вы должны знать важное, – Ода застыла, а Сольвейг продолжила: – Вы должны знать, что Хрёрек любит, но не вас.

Лицо Оды приобрело черты её всесильного отца, но она

сдержалась. Сольвейг это только подзадорило, и она воткнула иглу в сердце подруги ещё глубже:

– Вчера у пруда мы весь вечер целовались.

– Ты нагло врешь!

– Он признался мне в любви.

– Тварь! – Ода подошла к девушке и залепила ей пощёчину. – Врунья! Ты нагло лжёшь!

– Мы друг друга любим! – Сольвейг выкрикнула это, даже не обратив внимания, на побежавшую из губы кровь и тут же получила ещё одну пощечину.

Стерпев и эту боль, она крикнула, находясь уже в истерике:

– Никто! Даже боги! Нас никто не разлучит!

Ода вцепилась двумя руками в волосы девушки, но вдруг неожиданно одумалась, разжала ладони и посмотрела на них, словно вопрошая себя: «Что же я творю?» Развернулась и выскочила за дверь, переживать свои обиды в полном одиночестве.

Глава 5

В этот же день, когда уже стемнело, во дворе дома Вебьёрг продолжала кипеть работа. Вальдир и Барри подгоняли новую броню под тело херсира. А Драго чистил лошадь, привязанную к столбу.

– Сир, я на рынке займы одежду взял, ту, что под бронёй ярлы и херсиры носят.

Вальдир сначала положительно среагировал на эту новость, но потом махнул рукой:

– Не надо. Мне шукура росомахи – к везению. Не буду я её менять до окончания турнира ни на что другое.

– И я не буду убеждать тебя в обратном. За Росомаху Кожаные штаны все кругом болеют. Нам это в помощь, да и только.

Подошёл Драго:

– Хозяин, у ворот какая-то женщина спрашивает вас.

– Женщина? – Вальдир встрепенулся. – Где?

Драго отвёл его за ограду, где в темноте проглядывал женский силуэт. Но сделав два шага, херсир сразу растерял весь запал энтузиазма. Это была женщина среднего возраста, одетая, как служанка. Увидев его, она сразу подошла и спросила:

– Вальдир Кожаные Штаны тебя зовут?

– Нет. Меня Вальдир зовут. И ни как иначе.

– Ну, да. Прости. Меня прислали тебе на ухо передать два слова. Пусть этот детина подальше отойдёт.

– Драго, скройся с глаз. Я тебя слушаю.

Женщина перешла на шёпот:

– Здесь недалеко усадьба конунга.

– Я знаю, – херсир напрягся весь в предчувствии нечаянной встречи.

– Молодая красавица там есть одна, которая день и ночь о тебе думает. Она огнём любви пылает.

Сердце херсира забилося в два раза чаще, загоня кровь в лицо, стуча в висках и парализуя ноги. Женщина продолжила:

– Мне поручено, если ты согласен, проводить тебя для встречи с ней.

Херсир был согласен. Они сели в двуколку и, не сказав никому ни слова, растворились в темноте. Барри, увидев возвращающегося в одиночестве Драго, спросил его:

– Ты куда увёл берсерка?

– Там женщина какая-то к нему пришла.

– Что? Хорошенькая?

– Да, нет. Конечно не старуха, но в возрасте далёком от любовных дел.

– И где они? Ты проследил?

– Конечно. Как ты учил. Всё о своих хозяевах слуги знать должны. Он с ней в двуколку сел и по направлению к усадьбе Форки укатил.

– Дьявол! Не нравится мне это. Жаль, что я не с ним.

Двуколка подъехала к воротам крепости. Стражники спросили:

– Кто такие?

– Это Гуннхильд с лекарем для госпожи моей.

– Что-то доктор слишком молод. И где его лекарство?

– У него в руках. Он всех руками лечит. А молодость – не помеха дару, данному человеку свыше.

– Ну-ну, – ухмыльнулся опытный стражник, – пусть идёт, только свой меч на время лечения он должен здесь оставить. Лекарь! Хм!

Служанка завела херсира в гостевой дом и оставила перед дверью:

– Заходи, она ждёт.

Сердце Вальдира колотилось, как бешенное. Перед глазами всё плыло, а в груди замирало. Он плохо соображал, открывая дверь и входя внутрь комнаты. Там было темно. Почти темно. На окне горела одинокая свеча.

– Ты пришёл? Я так тебя ждала, – на фоне свечи возник облик девы с длинными распущенными волосами. Через тонкую ткань ночного платья просвечивало её стройное тело: – Иди ко мне, – её горячий шёпот заставил сердце Вальдира биться ещё чаще. Значительно чаще.

Он сделал шаг навстречу девушки и уже хотел заключить её в своих страстных объятиях, но в последний момент, сла-

бый свет отразил цвет её волос. Они были рыжими.

Херсир сделал шаг назад, пытаясь осмыслить происходящее и рассмотреть обладательницу рыжих волос со стороны:

– Кто ты?

– Кто я? Я фея любви, богиня ночи. Та, кто тебя хочет и желает. Ты узнаешь, что такое наслаждение. Иди ко мне!

Облако из рыжих волос обволокло херсира. Её руки обвили его шею, а лёгкий стан девушки плотно прижался к его телу. Губы страсти искали его губы. Вальдиру стоило усилий, чтобы разжать её объятия и вырваться на волю.

– Нет, ты не Ода!

– Ода? – Тора грубо засмеялась. – Так вот в чём дело! Дочь конунга между нами встала. А она об этом знает?

– Это не твоё дело.

Херсир развернулся и собрался уйти.

– Постой! Не уходи. Выслушай, что я тебе сейчас о твоей возлюбленной скажу.

Вальдир замер и повернулся:

– Говори. Но очень быстро. Мне некогда.

– Да, уж, любовник ты не складный. Впервые мне мужчина отказал. Обида разрывает грудь. Из-за любви к Оде ты меня не хочешь, но знай, что её сердце занято другим.

– Мне назло ты лжёшь.

– Нет, не лгу. Я точно знаю, моего брата она любит.

– И кто твой брат?

– Хрёрек. Сегодня страстно она за него болела, когда ты

в поединке брата победил.

– Это ложь.

– Подумай сам, кто после его проигрыша так мог расстроиться, что ушел с турнира. Теперь я понимаю, зачем к нашей трибуне с призом в руках ты подбегал. В знак любви хотел его ты Оде подарить?

– Допустим, что с того?

– Но разве там она была? Её место пустым было. После поражения Хрёрека она сразу же ушла. Впрочем, о любви к моему брату она мне прямо говорила.

– Это ничего не меняет. По крайней мере, для тебя. Я ухожу.

– Как? Разве ты не хочешь умерить жажду мести, перебив её огнём моей любви и страсти? Разве ты не мужчина?

– Я мужчина и потому я ухожу.

– Упрямец, лёжа в постели с братом, она над твоей верностью будет просто хохотать. Верность женщине, которая тебе ничего не обещала – это разве не смешно?

– Я ухожу.

– Что ж, уходи, но оглянись назад прямо сейчас.

Он оглянулся и увидел, как легко и просто, тонкая ткань соскользнула вниз, открыв удивительно красивую грудь и белое тело девушки. Вальдир только укоризненно покачал головой, резко развернулся и вышел из комнаты

Глава 6

Рёвом трибун встретил народ схождение первой пары всадников, заставивших своих коней скакать галопом, затем ускорив их посредством шпор до сумасшедшего карьера. Блестя на ярком солнце шлемом и бронёй, прикрывшись щитами, они мчались навстречу друг другу с пиками наперевес. Болельщики на миг затихли: удар, осколки копий и щитов взмыли в небо, и один из всадников, рухнув вниз, поднял с земли столб пыли. Возгласы победы тысяч голосов слились в один, распугав окрестных птиц, взлетевших посмотреть, что же там, у людей случилось. Словно эхо гуляло над ристалищем одно простое имя: «Росомаха!» Он снова победил!

Хельги смотрел за схваткой со стороны, его пара была четвёртой. Он процедил сквозь зубы:

– И почему он на коне?

И только на трибуне конунга стояла тишина. Здесь не было восторгов по поводу побед какого-то берсерка. Только Тора, медленно качая головой, шептала: «И всё же он герой! Жаль, что не мой».

Адель, не спавшая всю ночь из-за своих сердечных мук, в это время только пришла и торопливо села рядом с Торой:

– Ну что там? Кто победил?

– Берсерк в кожаных штанах из росомахи.

– Кого?

– Какая разница?

– Твой брат ещё не выступал?

– Нет. Он в четвёртой паре. Вон он, на гнедом коне сидит.

– Это Хельги. Я о Хрёреке спросила.

– Хрёрек не будет выступать. Он снялся.

– Снялся? Почему? Он ранен? Заболел?

– Он ранен в сердце.

Ода даже вскочила, но Тора успокоила её, потянув вниз за рукав:

– Сядь, что ты скачешь? И успокойся. Рана не смертельна. От подобной раны впоследствии бывают только дети. Он влюблён.

Ода всё поняла, но всё-таки спросила:

– И в кого же он влюблён?

Тора улыбнулась, ей нравился этот разговор. После вчерашней встречи с Вальдиром ей хотелось сделать больно Оде. Она ещё не понимала, что такое ревность, приняв её за жажду мести.

– В кого? – Тора растягивала удовольствие. – Ты сама не знаешь?

Дочь конунга тоже продолжала играть выбранную роль простушки:

– Нет. Откуда?

– Он влюблён в твою лучшую подругу. В Сольвейг. И она в него.

Ода постаралась скрыть эмоции, но юный возраст кожи её

выдал с головой.

– Как ты побледнела. Ода, скажи мне, если можешь. У меня два брата. Хельги по всем параметрам на голову выше, чем второй. Красавец писанный, воин славный, мужчина видный, ярл от бога. Почему, одно я не пойму, вы обе за Хрёрека так ухватились? Чем он вас прельстил?

Ода хотела промолчать, но всё-таки ответила:

– Не скажу за Сольвейг, но Хрёрек – мой жених, назначенный судьбой. Как можно объяснить любовь? Это рок судьбы, веление бога.

– Ты так думаешь? А что сердце говорит?

– Сердце? Сердце разуму подчинено. А разум шепчет мне одно: Хрёрек – мой суженый. Он мне судьбой назначен.

– Вот даже как? Однако. Сама никого я не любила сердцем, но мне тебя жалко. Ты слишком полагаешься на рок судьбы. Откуда, кстати, эти заблуждения? Тебе о Хрёреке кто-то предсказал?

– Да. Колдунья старая мне нагадала на него. И предсказала, что Хрёрек моим мужем станет. Я знаю, это так и будет.

Тора загадочным взглядом осмотрела дочь конунга с ног до головы, но ничего не сказала. В это время на ристалище сошлась новая пара. Но её она мало интересовала. Она поискала глазами Вальдира.

Он стоял возле лошади и что-то говорил своему странному слуге в красивом камзоле.

Вальдир потрепал коня по загривку:

– Хороший конь. Восьминогий мой Слейпнир². Этим именем теперь всегда звать я тебя буду.

Барри похлопал лошадь по крупу:

– И что я говорил? Он стар, но опытен.

– Да, хорошего воина руки эту лошадь обучали. Не тормозил и мчался он по заданному курсу, не дрогнув даже во время удара копий. Не конь, а подарок ветреной судьбы.

Монах грустно вздохнул:

– Жалко только, что я тебя перехвалил и все на тебя ставят.

– Хорошо, что так.

– Хорошо, то хорошо. Но у меня великая идея. Если ты согласишься, то мы будем сказочно богаты, как король гномов. Тех, что сундуки с золотом в его подземном царстве стерегут.

– Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю нам разбогатеть, – глазки монаха стали хитрыми и масляными от предвкушения исполнения своих планов. – Когда на тебя поставит девять человек из каждых десяти, я тебе скажу, и ты сразу проиграешь.

– Как это? Зачем?

– Я против тебя поставлю, тогда немалый куш мы огребём. На каждую монету по девять призовых.

– Это же нечестно!

– Честь и золото – всегда несовместимы. Решайся, сир! У

² Мифический конь Одина

нас будет большой дом, конюшня, лучшая броня и множество рабов. Да и рабынь сразу станет вдоволь. Чем не жизнь?

– Ещё раз осмелишься мне такое предложить, я сам сдам тебя в рабство куда-нибудь на каменоломню.

– Всё понял, сир. Считайте так: я не говорил, а вы не слышали. Моё вам уважение. Это была проверка.

Барри сделал глубокий поклон практически до самой земли. Что-что, а кланяться монахи умеют лучше всех.

Хельги так же, как и херсир, легко прошёл в следующий раунд. Затем из восьми победивших всадников осталось только четыре. Жребий вновь не свёл в поединке ярла и бывшего берсерка. Перед своим полуфиналом, уже зная, что херсир победил в своей встрече, ярл подъехал на лошади к трибуне конунга:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.